

«Нацбест-2018»: День сурка

[Александр КУЗЬМЕ](#)

Давеча ответственный секретарь премиального оргкомитета Вадим Левенталь пообещал: «В ближайшие месяцы на сайте Нацбеста, да и вообще в русской литературе, будет шумно и весело». Давно заметил: Вадима Андреевича всегда следует понимать с точностью до наоборот. Веселья не получилось. Ибо нынешний нацбестовский сезон мало чем отличается от прошлогоднего. Зеркало для героя, в котором, до тошноты одинаков, отражается День сурка. Никогда так не было, и вот опять...

DÉJÀ VU

В лонг этого года угодили 64 книги. «То ли случилось долгожданное возрождение отечественной словесности, то ли закрылись за недостатком финансирования сумасшедшие дома», – сострил Левенталь. Ни то, ни другое. «Нацбест» и прежде был не слишком разборчив в связях, а в последнее время и вовсе напоминает озабоченную пэтэушницу. По прошлогоднему длинному списку это очень даже заметно: сгребли все, что не приколочено, вплоть до женских детективов и фейсбучных постов. Нынешний лонг точно того же свойства. Женские детективы? – имеются: Вагнер и Яковлева. Сетература? – в наличии: Рома Сит. Да что там блоги, если оргкомитет и лавбургерами не побрезговал: Богословский и чета Волсини. Явление лавбургеров, кстати, – единственная новость сезона. А в остальном, прекрасная маркиза...

Вот, к примеру, до оскомины знакомая коллизия: лаурированный номинант, Сальников его фамилия. «Петровы в gripпе» вошли в большекнижный шорт, а после получили «НОС» от литературно-критического сообщества. Снова да ладом напомним пункт 8.2 «Положения о премии»: «Оргкомитет оставляет за собой право исключать из конкурса произведения, уже засветившиеся в шорт-листах других крупных литературных премий и тем более снискавшие победу в одной из них». Вадим Андреевич, вы уже или крест снимите, или трусы наденьте. Но аморфная формулировка «оставляет право» и впрямь мало к чему обязывает. А протекция Галины

Леонидовны, чтоб вы знали, – это ж цимес мит компот и ключ от всех дверей, таки да.

Сальников – один из немногих нынешних новобранцев. В бой пошли едва ли не одни старики: Аксенов, Богословский, Бочков, Бренер, Буйда, Букша, Бычков, Вагнер, Варламов, Геласимов, Глуховский... и далее по алфавиту вплоть до Шаргунова и Шмараква. И номинаторы, как на подбор, ветераны: Алферова, Амелин, Водолазкин, Гумен, Етоев, Караулов, Набоков, Орлов, Пустовая, Снегирев... А судьи кто? Да сплошь сверхсрочники: Визель, Друговейко-Должанская, Колобродов, Крусанов, Погодина-Кузьмина, Рондарев, Топорова...

Своя тусовка, одним словом: под Топоровым повиты, под Левенталем взлелеяны. Бравы ребятушки. Гвардия.

Любопытное, чисто нацбестовское, если не ошибаюсь, ноу-хау: здешние фигуранты выступают в нескольких ипостасях. В 2018-м таким манером клонировали Колобродова (номинатор, номинант и член жюри), Кунгурцеву (номинант и член жюри), Филиппова, Басинского, Старобинец, Шаргунова и Орлова (номинаторы и номинанты). «Братва, награждайте друг друга», – спел бы на моем месте незабвенный Евгений Кемеровский.

И еще одна эксклюзивная фишка: в Большом жюри обязательно должен быть enfant terrible. Виктор Леонидович приглашал на эту роль то лесбиянку-феминистку, то стриптизершу. Вадим Андреевич не столь эксцентричен, ему хватает и умеренно злобных критиков. В этом сезоне настроение соискателям портит Елена Одиноква из «Неоновой литературы».

Кстати, пора бы и мне присоединиться.

MUTAVOR?

(Д. Глуховский «Текст»; М., «АСТ», 2017)

Об авторе: в 2008-м номинировался на «Нацбест» с романами «Сумерки» и «Метро 2033», в 2016-м – с романом «Метро 2035».

Один из лейтмотивов «Текста»: герой иллюстрирует «Превращение».

Глуховский и впрямь построил новую книжку как развернутую аллюзию на Кафку: и гаджет вполне заменяет человека, и убийца не без успеха играет роль убитого. Но главная коллизия романа вынесена за рамки фабулы – это превращение автора: из фантастов в реалисты, из графоманов в классики.

«Текст» тоже подвержен разнообразным мутаборам. Сначала глуховский опус точь-в-точь похож на блатной романс. Приметы жанра налицо: продажный мент, честный арестант, неверная подруга и любящая мать. Короче, братва, закрыли Илюху чисто по беспределу. А ментяра, который

его закрыл, жил свыше грабежа: дагам конфискованный кокс толкал да по кабакам зависал, а чекисты его крышевали. Илюха откинулся да спросил с него, как с гада: надыбал в одном кильдыме и на перо поставил. Помыл он жмура с верхов, прибрал воыну да айфон. Глянул в барабан – а там голимый атас, аж на три делюги: и про дагов, и про покрышку федеральную. Илюха все евонные подвязки на раз выкупил, решил абреков на лавэ кинуть да слинять без горя за бугор...

Здесь разудалый шансон смолкает, и начинается сериал «Черное зеркало». Илья рассылает от имени убитого майора ФСКН стопятьсот sms – начальству, эфэсбэшным покровителям, друзьям, родителям, подельникам.

А иногда еще и разговаривает с ними. Но те во внезапном приступе повального кретинизма упрямо не понимают, что абонент – не абонент...

На том «Текст» и стоит: порожняков тяжкий груз и к одиннадцати туз. Чтоб человек таскал в кармане 128 гигов термоядерного компромата на себя, любимого – он камикадзе, да? Чтоб начальник не опознал подчиненного по голосу? Да, и каким перестроечным ветром в путинскую эпоху занесло кооператоров? Что за ненаучная фантастика?

Глуховский, как и во времена «Метро», продолжает работать для всеядных кидалтов. На них рассчитан текст с многочисленными логическими прорехами. И аффектированная, лубочная социальность звягинцевской выделки – тоже для них: «Жизнь так организована, чтобы все люди непременно в ад попадали. Особенно в России». А равно и нравоучения фейсбучного разлива: «Есть люди, от которых что-то остается, а есть люди, от которых не остается ничего». О-очень сомневаюсь, однако, что великовозрастные тинейджеры выдержат этот бег с барьерами. Автор постоянно вяжет такие словесные узлы, что требуется синхронный перевод с глуховского на русский: «Опрокинул. Ожегся. Жиром колбасным ожог заврачевал», – это не рецепт первой помощи при ожогах, это мужик водку колбасой зажевал.

Единственное удачное крибле-крабле «Текста» – превращение литературы в шансон. Хотя чему удивляться? – метода на сто рядов отработанная: упражнялись все желающие, от Адольфыча до Стовбчатого. Чтобы превратить Глуховского в классика, заинтересованные лица из «АСТ» прибегли к сильнодействующим средствам – декалитрам критической патоки и аж 45-тысячному тиражу. Но обратное зелье не сработало. В следующий раз запасайтесь бузиной палочкой.

ЗАЧЕМ ТЫ ПРИШЕЛ?

(Р. Богословский «Зачем ты пришла?»; М., «Флюид FreeFly», 2018)

Об авторе: в 2015-м номинировался на «Нацбест» с романом «Трубач у врат зари».

Гомункула по имени Зачемты Пришла вывели в нацбестовской реторте. Книга с черным сердцем на обложке вышла в именной серии Вадима Левенталья, текст редактировала (да-а?! не похоже...) Аглая Топорова, а номинировал Алексей Колобродов.

Левенталь в лютом восторге от своей креатуры и не скупится на пафосные гиперболы и сравнения: «Текст предельно эмоциональный, местами так и кажется, что рассказчик сорвется на стихи – и хорошо, что короткий; был бы длиннее, читателя разрывало бы на куски, а так он все-таки остается в живых, хотя и словно в стиральной машинке отжатый». Дело известное: всяк цыган свою лошадь хвалит...

Кто-то довольно точно определил пошлость как попытку выдать малое за великое – моську за слона, мыльную оперу за «Илиаду». «Зачем ты пришла?» – лавбургер, из которого старательно мастерят экзистенциальную драму. Она слушает Земфиру и читает Свияша, он слушает The Doors и читает Сашу Соколова, она ему изменяет, он бухает – тут, ясен пень, Отелло с Вертером пристыженно курят в углу: «Ты норовила укусить, исцарапать меня, и все била, и била, и била кулачком в плечо и в грудь»; «Ты выгнулась, облизала губы, кинулась на меня, стала колотить кулачками по макушке, плечам и по лбу, и все кричала: – И по роже, по роже, по роже, по роже!»; «– П-р-ридунок! – крикнула ты и ушла плакать в ванную», – и так далее, до жестокой изжоги.

Она наступает странице примерно к 50-й: монотонные истерики приедаются, равно как и бурный секс в перерывах между. Автор, зачем ты пришел? Чтобы 190 страниц подряд доказывать прописную истину, на которую Губерману понадобилось всего-то четыре строки: «Очень многие дяди и тети / По незрелости вкуса и слуха / Часто склонны томление плоти / Принимать за явление духа».

Однако это не самое страшное испытание для читательских нервов. Бисквитно-кремовый стилёк, вот что воистину тошнотворно: «придирчиво-карие глаза», «подкрашенный помадой смех», – будто и не суровый липецкий рокер старался, а какая-нибудь Сола Монова или Ах Астахова. Но лучшее, конечно, впереди. Неизлечимое косноязычие то и дело возносит Ах Богословского до психоделии: «Глаз у тебя стал стеклянным, как всегда в моменты душевной яичницы»; «Я таскал на себе мешки, набитые клацающими ртами всепожирающей тоски». Я со скрежетом зубовным пережил и Крюкову, и Беседина, но здесь едва не сломался. Странное дело, но Левенталь не соврал насчет читателя, отжатого в стиральной машинке.

Напоследок – еще один драматический эпизод: «Я попал в больницу со странной болезнью под названием копчиковая киста. Ничего опасного, но нужна была операция... Вдруг эта неведомая киста воспалилась от переизбытка любви к тебе и ее, любовь, нужно срочно вырезать и шмякнуть, кровавую, о белое дно больничного таза?..» Воля ваша, но дизайн обложки ни к черту не годен: не сердце надо было рисовать, а черную... э-э... ну, вы поняли.

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

(К. Букша «Рамка»; М., «АСТ», 2017)

Об авторе: в 2008-м номинировалась на «Нацбест» с романом «Питерские каникулы», в 2014-м получила «Нацбест» за роман «Завод “Свобода”». Если десять персонажей попадают в намертво закупоренное пространство монастырской кельи, то все остальное вроде бы угадывается без труда – классическая герметичная драма: десять негрят на опасном повороте, и всех настигнет смерть под парусом.

Ага, предсказамусы вы наши. Не учли, что имеете дело с бывалым продавцом воздуха. Сугубо комплиментарный Лев Данилкин, и тот однажды назвал букшину прозу пловом без мяса. Тем не менее, зачин «Рамки» сулит неслыханную социальность. Герои угодили под замок не просто так: приехали на коронацию государя, но не прошли детекторную рамку – зазвенела, падла тоталитарная. Как страшно жить!..

У нашей женской прозы в последние годы все чаще случаются острые приступы публицистита: то Степнова, то Ключарева... Вот и Букша норовит быть в тренде, возмущается антидемократичными рамками. Даром что вписалась во все мыслимые рамки: добрая дюжина изданных книг плюс «Нацбест» в 2014-м. Да-да. Поэт, он гражданином быть обязан. Несмотря на тиражи и премии.

Однако запоздалая гостя на празднике непослушания, если чем и блеснула, так это неподражаемым питерским аутизмом: самовыразилась во все тяжкие без оглядки на читателя. Антропоморфные существа, заточенные в келье, долго и нудно исповедуются друг другу (большей частью скверным верлибром), а потом раковая опухоль монархии невзначай сама собой проходит.

Нет, пересказ какой-то неубедительный: не передает цветущую сложность романа. Может, познакомимся с персонажами? Один из монастырских арестантов – ясновидящий. Кобель-дворняга – телепат, дистанционно общается с семьями узников, а его хозяйка переводит песьи сообщения с собачьего на русский. Узбек с лезгинской фамилией владеет кольцом-

телепортом. А есть еще «чувак с зеленым носом на лбу»...

Издательская аннотация именуется «Рамку», изданную в серии «Роман поколения», вызывающей политической сатирой. Букша, доползем ли, долетим ли до ответа – что же будет с родиной и с нами? Ну вот, долетели-доползли: «Над соснами, вдали от куполов, проступает в сером небе лицо. Не смотри». Занавес. И кто ее знает, на что намекает: Вий в гости пожаловал, да? Что, между прочим, симптоматично: пафосно-туманная символика – традиционный камуфляж для смысловой прорехи. Вообще, единственная более-менее внятно прописанная тема – долюшка русская, долюшка женская. Ой, девки, зуб даю – труднее не сыскать:

«трахаться научилась в одиннадцать
в семнадцать богатенького подцепила
поселил у себя на вилле
путешествия рестораны потом отметелила его нервный срыв был»

Ничего другого 30-летние пишбарышни не умеют. И в этом смысле «Рамка» – действительно роман поколения.

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ

(Яна Вагнер «Кто не спрятался»; М., «АСТ», 2018)

Об авторе: в 2012-м номинировалась на «Нацбест» с романом «Вонгозеро», в 2014-м – с романом «Живые люди».

Вынужден повторить: наши романистки из любого материала делают дамское чтиво, ибо к иному попросту не способны. Прежде Яна Вагнер упражнялась в жанре постапокалипсиса, сейчас взялась за герметичный детектив, но результат всякий раз один и тот же – угадайте, какой? Итак, сеттинг: элитный горнолыжный курорт, уединенный отель, 40-летний «Гленфиддик» в пузатой бутылке и эспрессо в пузатых чашках. Персонажи: опять-таки пузатые режиссеры, стройные актрисы и разные прочие креаклы. И хватит, пожалуй, – оставим глянец журналу «Elle», который как-то раз чуть было не премировал авторессу. Но передумал.

Так вот, одну из представительниц креативного класса дважды ткнули лыжной палкой. Исход, знамо, летальный. Однако Сирил Хейр с Агатой Кристи уволены без выходного пособия: детективная интрига в тексте не хозяйка, а приживалка. Вообще, из всех правил Рональда Нокса и Стивена ван Дайна здесь соблюдены лишь три: а) в романе должен быть труп; б) в романе не должно быть китайца; в) и никаких сверхъестественных сил. Полтыщи страниц душевного стриптиза, фабула топчется на месте, как стоялая кобыла, а Вагнер тем временем сосредоточенно решает, кого бы

назначить злодеем. А, на кого Бог пошлет!.. И мотив – всем мотивам мотив: твой батя меня в детстве побил – получи, фашистка, гранату!

Впрочем, Я.В. такие пустяки вообще не волнуют. У нее единственная забота: изящно пляшу ли? Еще как изящно-то! – ну просто именины сердца для домохозяйек с livelib, куды не на фиг:

«Из неглубокого, целомудренного вагонного жерла высунулась тонкая, объятая сизой джинсовой кольчугой длинная нога...» Помилуй Бог, целомудренное вагонное жерло! Вы способны вообразить дефлорацию вагона? А есть еще изумленные ступни и уверенная спина... Вот вам крест, это не проза, это песня. Полет валькирий в джинсовых кольчугах над целомудренным вагоном.

Спотыкливый маньеризм – неважная замена саспенсу. Один пассаж из романа звучит просто-таки самоубийственно:

«Какой-то идиотский у нас получается детектив... Если б я такую фигию принесла своему издателю, меня бы с ней просто вышибли за дверь». Не вышибли. В «Редакции Елены Шубиной» девушку приветили и шоколадкой встретили. Похоже, г-жа Шубина уверовала, что буквы «ЕШ» на титульном листе – универсальная индульгенция. Зря это она, право слово...

МОЧАЛКИН БЛЮЗ

(Н. Мещанинова «Рассказы»; СПб, «Сеанс», 2017)

Об авторе: дебютант «Нацбеста».

Спойлер 128-страничной книжки укладывается в одну фразу: «Я пьяная приходила домой в четыре часа утра, и на мне были укусы и засосы, в карманах была анаша, и воняло от меня сигаретами, и волосы мои были в сперме». Вам сто сорок мохнатый привет от маленькой Веры.

Было время, сводный хор наших пишбарышень задушевно исполнял мочалкин блюз: «Я, быва-а-ало, всем дава-а-ала...» Потом случилось страшное, не могло не случиться. Сюжетов-то здесь – кот нарevel: тузом-юзом-кверху-пузом, на колу мочало, начинай сначала. Кризис жанра гарантирован. Один за другим, как в «Прощальной симфонии» Гайдна, затихли голоса маленькой Иры, маленькой Лили, маленькой Сони, маленькой Маши, маленькой Лизы... Лишь маленькая Аня по сю пору прилежно выводит: «Всем дава-а-ала...» Потому что повзрослеть не может, отсюда и пубертатный репертуар. Я грешным делом думал, так и зачахнет одна в песочнице. Но тут прибыло подкрепление. А ну-ка, девушки, а ну, красавицы! Мочалкин блюз forever!

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ БЛОГЕРА

(О. Зоберн «Автобиография Иисуса Христа»; М., «Эксмо», 2017)

Об авторе: в 2017-м под псевдонимом Борис Лего пытался номинироваться на «Нацбест» со сборником «Сумеречные рассказы». Текст исключен из конкурса в соответствии с пунктом 8.2 «Положения о премии».

Доброхоты уже сравнили новый опус Зоберна с Булгаковым, Сарамаго, Рушди и Казандзакисом – сдается, зря. Сам автор раздает интервью, через слово поминая рукописи из Наг-Хаммади, – тоже, по-моему, всуе. Ничего этого в книжке нет. Есть Зоберн, снова Зоберн и опять Зоберн. И немного Быкова.

Дмитрий Львович уже язык смозолил, повторяя, что Евангелие – первый в истории плутовской роман, а Христос – явный трикстер. О.З. эту трактовку удачно оприходовал, остальное пошло как по маслу. По роду занятий протагонист «Автобиографии» – фармазон, прикинулся пророком, чтоб лохов разводять: «Люди приносили нам деньги, которые мы обещали вернуть с прибылью...» По душевным склонностям он блогер: постит в своем папирусном ЖЖ всякую с понтом умную хрень. А по складу ума и характера – поборник и проповедник общечеловеческих ценностей, как-то: свобода торговли, ганджубас и весь ассортимент извратов.

По тэгу «темасисег» обнаруживаются любопытные результаты: «Я задрал ее одежду, опустил на колени, высвободил свой зайин...» Но это мелочи, дальше – круче: «Умеренное мужеложство – это хорошо»; «Я не против использования коз, если они чисты и здоровы, ведь с духовной точки зрения это полезнее, чем соитие с женщиной». Ага. А поручик Ржевский подкрался да ка-ак свистнет, – аж в руках одни рога остались. Олег Владимирович, я в непонятках. Если у нас тут благая весть, то почему оно так похабно? А если анекдоты 18+, то почему так длинно и нудно? Однако по этому поводу есть разные мнения. Роман Сенчин: «Неожиданно, смело, оригинально и возмутительно талантливо». Дмитрий Волчек, главный редактор сайта «Радио Свобода»: «Наконец-то на русском языке написан универсальный роман, проникнутый духом истинной религиозности... Христианство XXI века должно быть именно таким». Дело-то известное: кому и кобыла невеста.

Зоберн – прозаик не ахти каких дарований: «Она была похожа на горный тюльпан», – Бунин в гробу перевернулся от писарского красноречия. Да и зайин с ним, с талантом, –ничего-то он нынче не решает. Вот скандал – самое оно, старый конь борозды не портит. Два года назад Зоберн на живую нитку пришил к своим пыльным текстам гримуар и объявил Россию бесовской обителью. Шалость удалась: огневая ласка рецензентов и «НОС». А ну-ка на бис! И снова удачно. Минута славы уже была, дело за

«Нацбестом» – видать, евангелисту на козу не хватает...

ИТОГО

День сурка – это, изволите видеть, не только про «Нацбест», а про отечественный литпроцесс вообще. Тут бы с должным надрывом спросить: когда же придет настоящий день? – но, видимо, не стоит. Рано или поздно придет, не вопрос. Вопрос в другом: с какими интеллектуальными и моральными потерями мы его встретим.

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 марта 2018

<http://webkamerton.ru//2018/03/nacbest-2018-den-surka>